

Олег Игнатьев

ПРЯМО ОТ ПОРОГА
КРИМИНАЛЬНАЯ
ДОРОГА

Три
истории

Олег Игнатьев

**Прямо от порога криминальная
дорога. Три истории**

«Издательские решения»

Игнатъев О. (.

Прямо от порога криминальная дорога. Три истории /
О. (. Игнатъев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839183-5

Что ты сделаешь, когда тебе под вечер принесут кучу бриллиантов, все твои друзья окажутся убитыми, а смерть уже стучит и в твою дверь? Выход один — бежать. Бежать, отстреливаясь на ходу, меняя адреса и явки. А когда у тебя закончились деньги и их негде взять? Идти и расставить ловушку на крупную добычу. Но главное, самому не угодить в эту ловушку. А если тебя достали своим весельем соседи? Прийти к ним и повеселиться вместе с ними, да так, чтобы они запомнили это до конца жизни.

ISBN 978-5-44-839183-5

© Игнатъев О. (.
© Издательские решения

Содержание

Дорога, усыпанная бриллиантами	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Прямо от порога криминальная дорога Три истории

Олег (В) Игнатъев

© Олег (В) Игнатъев, 2017

ISBN 978-5-4483-9183-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорога, усыпанная бриллиантами

В то утро мы встретились на глухой городской окраине у одного из полуразвалившихся цехов заброшенной швейной фабрики. На опавшей красно-бурой листве и на потемневших от времени кирпичях фабричного фундамента белыми кристалликами лежал иней. А с тусклого неба, запачканного сильно разбавленной голубизной, лилось на землю осеннее солнце, окрашивая наступающий день в прозрачную охру. Было неуютно холодно в этой осенней рани, и мы кутались в свои пальто и куртки.

Нас было четверо. Четверо друзей? Сейчас – скорее, четверо единомышленников, чьи мысли были объединены одним – где взять деньги, чтобы решить накопившиеся проблемы.

Андрей – оставшийся без работы гитарист, которого за его взрывной характер выкинули из кабака на улицу. Джон Монастырь – боксёр, сохранивший остатки мозгов только потому, что успел уйти из бокса, где молодые и свежие стали загонять его всё чаще в угол и нагло, словно девку к стене, прижимать к канатам. Ещё Дима Нестеров – бывший спецназовец и старинный мой приятель, юрист по образованию и просто умный парень, при этом предпочитавший зарабатывать кулаками. И я – бывший корреспондент одной из местных газет, бывший менеджер по оптовым продажам обуви и бывший... Впрочем, достаточно и этого. Теперь, когда почти год не удавалось найти приличной работы, я писал. Писал какие-то романы, разную муть. Что-то издавалось за небольшие деньги, по сути, за гроши (в основном муть), что-то редакторы выбрасывали в корзину. Плевать. Главная книга моей жизни ещё не была написана, хотя за плечами и были уже сорок лет этой самой жизни.

В молодости меня, Диму и Джона объединяла любовь к трём красивым подружкам, тяжёлому року и весёлым похождениям, пока подружки эти ни повыскакивали замуж, где благополучно расплылись, как коровы, а весёлые похождения ни превратились в постоянные стычки с законом. Оставался тяжёлый рок, но и он надоед, железобетонной плитой давя уставшие к тому времени наши души.

Как-то, между прочими делами, я женился, обзавёлся двумя детьми и встречался с друзьями лишь время от времени, когда всё надоедало, или были какие-то общие дела. Нестеров и Джон при этом оставались холостяками-бабниками. Андрей, младше нас лет на десять, присоединился к нашей компании чуть позже, но это неважно...

Теперь мы, несколько потасканные и побитые жизнью по нашему добровольному согласию, стояли у кирпичной стены, освещённой осенним утром и ёжились от холода. Чуть в стороне стоял мой выдавший виды «Мустанг». Не какая-то там посуда на колёсах, типа долбанного «Мерса», а настоящая американская тачка. Можно было, конечно, его продать, чтобы свести концы с концами, как это сделали мои приятели, избавившись от своих развалюх, но в большом городе без машины... К тому же в деле, которое мы замыслили и к которому сейчас готовились, она была крайне необходима.

– А когда приезжает этот Мохаммед? – спросил Джон.

– Завтра, – ответил, не глядя ни на кого, Дима и посмотрел в осеннее небо.

Из вереницы траурных дат только этот день плачет.

Андрей передёрнулся. Толи от холода, толи от страха перед завтрашним днём. Понятно дело – очко играло. У самых выдавших виды парней (за редким исключением) очко играет в таких делах, а тут... Меня и самого знобило, и, похоже, что и от холода, и от страха одновременно. Не каждый день совершаешь преступление. Взять такой куш! Срубить одним махом миллион долларов США, виданное ли дело! По двести пятьдесят тонн на брата. Ну, Диме, скажем, не привыкать – ни одного парня отоварил в уличном бою, ни одного, похоже, пристрелил в спецоперациях и позже – в смрадных закоулках жизни. Подозреваю, за его плечами было не одно преступление. Молчит, только улыбается всегда небрежно.

Джон вообще набьётся, и по его морде не поймёшь: доволен – не доволен, боится или нет. По-моему, он, как и Дима, вообще никого не боялся. Завышенная самооценка при пониженном пороге чувствительности. Машина, а не человек. Сейчас, в отличие от меня или Андрея, кутавшихся в воротники, он стоял себе на осеннем холоде в своей выдавшей виды байкерской куртке и спокойно смотрел исподлобья на нас и на жизнь вообще.

– Стволы? – глянув на меня, сказал Дима.

– В багажнике, – ответил я, слегка мотнув головой в сторону «Мустанга».

– Неси, – негромко и мягко распорядился он.

Я уже было сделал шаг, когда Дима, незаметно и очень внимательно осматриваясь по сторонам, остановил меня за руку. «Нет. Показалось», и он вместе со мной отправился к машине.

Не знаю, откуда у Нестерова была информация, что сделка состоится именно здесь, я лишних вопросов не задавал, но мы готовили место заранее. Чтобы не ездить по городу с кучей оружия в багажнике, и тем самым исключить неожиданности, мы решили весь наш арсенал спрятать прямо здесь, неподалёку.

У каждого из нас были весьма веские причины для совершения данного преступления, и отступать никто не собирался, но... всегда в наши планы может вмешаться что-то или кто-то. Ладно, об этом чуть позже, а пока Диме нужно было срочно отдавать огромный карточный долг, который он умудрился сделать, сев за стол с очень серьёзным бандитом по кличке Тигран. Можно было, конечно, просто убить его и его людей, но это было бы слишком некрасиво и даже пошло. А на самом деле, скорее всего, убили бы Диму. Рано или поздно. Долг есть долг: сделал – отдай, или скройся с глаз, чтобы не нашли. Но жить в бегах... У Джона была больна мать. Рак пожирал её изнутри. Старушка всё равно бы отдала концы (что так было колготиться?), но сыновья любовь выше прогнозов врачей. А Андрей просто грезил наяву, записать свой альбом на компакт-диске. Жажда славы сильнее здравого смысла и любви к себе – ещё немного и, возможно, он получил бы желаемое, но он сделал то, что сделал. У меня же просто-напросто не осталось денег на еду, и не у кого было больше занять – долгов было, как у арабов перед СССР, – так как должен я был буквально всем своим знакомым. Работа же дворником или грузчиком вряд ли сумела бы исправить ситуацию, а получить что-нибудь приличное я никак не мог – проваливал все грёбанные собеседования во все грёбанные корпорации. Да и были такие предложения больше для упупутиков вонючих, крашенных петушков в белоснежных рубашках. Так что я волей-неволей присоединился к данной компании. Озноб бил мою душу; монитор отклонения делал своё дело.

В детстве, в компании таких же, как я сам, подростков из рабочих семей, я дрался и крал всё, что плохо лежало, но время шло, и я, вроде, остепенился. Однако, как оказалось, не переродился внутри: клише, сформированные средой и временем, сидели во мне глубоко и прочно, так что внешняя оболочка, сшитая из образования, работы и всякой ерунды, типа семейных уз, не имела никакого значения. А когда эта оболочка поизносилась и треснула во многих местах по швам, все увидели, что, по сути, я остался таким же отвязным парнем. Единственно, длинные волосы мои сейчас поредели на макушке, и я, оставив от них взъерошенную седеющую местами поросль, отпустил в дополнение серебристую щетину на лице и носил очки «Ray-Ban», а ко всему ещё грубые ботинки и старую, коричневой кожи куртку. В общем, выглядел крутым парнем в собственных глазах и глазах стареющих девчонок, у которых развитие мозга остановилось на уровне полового созревания. Сорок лет не предел, жизнь только начинается; вот и начать бы её с чистого листа, заново создавая себя прозревающего, да где там – мечта заросла колючими сорняками. Чтобы их вырвать, нужно было потрудиться.

– Готов? – спросил меня негромко Дима, имея в виду завтрашний день. Спросил доверительно, в самую глубь меня бросая вопрос.

– Готов, – так же негромко ответил я.

Я чувствовал, что он переживает за меня. На протяжении всей нашей дружбы он всегда оберегал меня от неприятностей в виде чужих кулаков и прощал многие вольности по отношению к нему. Дружба без условий.

Сейчас страх как будто улетучился, и не было предчувствия беды или неудачи, а всё же под ложечкой сосало. Отдалённо так, едва заметно, но всё равно ощутимо. Эти люди, если что, в милицию не пойдут – и это, конечно, большой плюс для нас: сделал чисто – и живи скромно, но богато. Пей коньяк из красивых бокалов да закусывай морскими гребешками. Но если провал, тогда готовься к жизни под землёй – другой альтернативы нет, выруют квартирку-земляночку поглубже и табличку с адресом не повесят. Плюс последнего варианта один – родственники надоедать не будут, но и сам уже никого не наведишь, разве только, в их снах или на спиритическом сеансе в виде привидения.

Проверив лежащие на дне багажника в большой спортивной сумке два обреза, АКМ, пистолет Макарова и несколько гранат, Дима застегнул молнию и, взяв сумку, пошёл в сторону соседнего, такого же полуразрушенного, как и первый, цеха. Мотнул головой всем: «Мол, идите сюда. Каждый должен знать в случае чего, где спрятано оружие». В случае чего... Нет, уж лучше наверняка, а то мой сын-подросток, занимающийся боксом, будет вынужден пойти по стопам дяди Джона. Незавидная судьба прожить с малюсеньким, отбитым мозгом, который болтается в черепной коробке, как куриный пупок в алюминиевой кастрюле. Вроде есть что-то, а думать нечем, некуда матрицу памяти засунуть – места нет. Зато жизнь, как у просветлённого, у Будды – здесь и сейчас. Да ещё мышечная память; бей и не думай ни о чём. Ну, сын ладно, парень есть парень, а дочь?..

– Всем всё ясно? – спросил Дима после того, как засунул сумку под обломок стены. – Джон, тебе обрез. Угоишь одного-другого, и если что – в бой, у тебя удар сильнее любой пули. Ты будешь в машине, – обратился он ко мне, – но на всякий случай с обрезом. Смотри, чтобы «Мустанг» не дал сбой. Проверь на сто раз, и двигатель не глуши.

Я кивнул коротко, не глядя на него.

– Тебе, – посмотрел он на Андрея, – «Макаров». Стреляешь метко, не промахнись смотри только. Представь, что ты в тире, только мишени тоже с пушками. Поэтому, кто кого опередит, тот и приз выиграет. Шарик на ниточке... От волнения всякое может случиться, – сделал паузу. – Каждому по гранате. Это на крайняк. Если всё сделаем, как рассчитали, проблем не возникнет, – говорил он негромко, внушительным баритоном. Он задумался на несколько мгновений. Я видел, что что-то гложет его.

– Ладно. Поехали отсюда, нечего светиться, – а когда все сели в машину, спросил меня:

– Давно Серёжу видел?

– Вообще не видел, – ответил я и включил зажигание.

Дима спрашивал про парня, нашего пятого приятеля, который подписался на дело, но, почему-то, в последний момент отказался. Видимо, это-то и смущало моего друга. Серёжа Воробей – Серж Каланча – скрылся в неизвестном направлении и не показывался никому на глаза, как и не отвечал на звонки. Видимо испугался так, что даже боялся встречи с нами. Абонент недоступен для входящей связи, перезвоните позже. Лучше бы сказали: «Абонент обосрался при входящей связи. Не раньше и не позже». Поэтому его обрез, на всякий случай, и переходил ко мне.

Я тронул с места, а все сидели и молчали.

Как я уже говорил, в наши планы всегда может кто-то или что-то вмешаться. Главное, не быть тупым быком, прущим на колышущуюся тряпку обязательств в руках манипулирующего тобой матадора. Что ему, матадору? У него своя выгода. А бык прёт на красный плащ, а дальше миг и... muerte – смерть – на конце шпаги.

Зайдя домой, я увидел сияющую подругу моей жизни, мою Юлю. В руках она держала толстенное письмо, вернее даже не письмо, а пакет. Взяв его, я прочёл обратный адрес: London, ... agency... и так далее. Одну из моих рукописей удалось-таки пристроить в русскоязычном английском издательстве через молодую, но шустрю русскую журналистку и переводчицу, живущую в Лондоне, и теперь мне прислали договор с предложением очень даже приличного гонорара. Мечты сбывались. Такое и во сне не каждому приснится, да к тому же если ещё никому не известный, бывший заштатный корреспондент, когда в издательствах столько несговорчивых редакторов сидит, мня из себя апостолов при дверях в литературный рай. Пойди, попробейся... Оказывается, есть и среди них хорошие люди.

Всё так здорово, а тут этот Мохаммед со своим миллионом. Конечно, аванс за роман, мягко говоря, куда скромнее, чем куш от предстоящего дела, но стоит ли рисковать, лоя журавля в небе, когда тебе уже сунули синицу в самую руку. Хватай её да держи крепче, только крылья не пообломай. И мне тут же расхотелось идти на завтрашнее дело. Так легко стало на душе, что захотелось выпить виски; на дне бутылки, стоящей в пустом баре, осталось немного. Осушив порцию одним глотком, я почувствовал, что захмелел, одно было плохо – красный плащ матадора, мелькавший в моём мозгу, не давал мне покоя, действуя на нервы: обязательства, обязательства, обязательства. Я ведь уже подписался, а тут... не уподобляться же Серёже Каланче. Хотя, почему бы и нет. Надо всё отменить и баста. Мало ли что напланировали. И этот Мохаммед, который ни о чём не подозревает, останется жить, и нам спокойно. Естественно, свой гонорар я не собирался тратить на запись Андреева альбома, но занять ему сколько-то денег смог бы, и Джону... и, конечно же, хотя бы малость Диминого долга погасить.

Я позвонил Нестерову и попросил, чтобы он обязательно приехал ко мне. Прямо сейчас.

Встретив гостя, я рассказал о своей радости и о своём плане относительно завтрашнего дня и своего гонорара. Он выслушал меня не перебивая, и в обычной своей манере усмехнулся небрежно.

– Нет, Саша, – бросил он. – Отваливай смело, никто тебе слова не скажет, но я от дела не откажусь. Твои деньги это твои деньги, а мне своих охота занять да столько, чтобы не в чём себе не отказывать. Одна просьба только: машину дашь?

Я протянул ему ключи от «Мустанга».

– Если что – заявишь об угоне, – негромко сказал он и поднялся из кресла. – Счастливой карьеры.

Я чувствовал, что он не то чтобы обижен, но обескуражен, однако ни я, ни он и вида не показали, что что-то уже произошло, что с моим решением изменить планы, может измениться и жизнь тех, кто идёт на этот большой гоп-стоп.

– Пока, – не то улыбнулся, не то усмехнулся Нестеров и ушёл в тёмный осенний вечер.

Я услышал, как под окном завёлся двигатель «Мустанга». Немного погодя звук его растворился в шуме ветра.

Но как мне было легко на душе, как легко, и я уже ни о чём не думал, как и не сожалел о принятом непростом решении. Матадор удалился, так и не одержав победы, а бык внутри меня издох сам собой. Завтра я узнаю, сработал ли план и стали ли мои приятели богаче на миллион долларов.

Ни хроники в криминальных новостях, ни шума в городе, и снова лёд октябрьского вечера с мерзким жёлтым светом фонарей.

– Саша, ты дома? – услышал я в трубку голос Нестерова.

– Дома, приезжай, – коротко и тихо бросил я, поняв по его тону, что что-то случилось.

– Позвони в милицию, заяви о пропаже машины, – и повесил трубку.

– Кто звонил? – поинтересовалась Юля.

– Дима, – видимо на лице моём отпечатались озабоченность, потому что она спросила:

– Что-нибудь случилось?

– Да нет, ничего, – пожал я одним плечом. – Сейчас заедет.

– Мм, – произнесла Юля и скрылась в другой комнате.

Через пару минут Дима сидел в одном из моих продавленных кресел и, глядя в пол, короткими фразами излагал то, что с ними случилось, но перед тем он вернул ключи от «Мустанга», чтобы у ментов не возникло подозрения в подвохе. «Хорошо, что я не пошёл», – мелькнуло у меня в голове. Неважно, подлой была эта мысль или нет, но чувствовал я себя сейчас, явно, много лучше моего друга.

– Что случилось? – спросил я.

– А как ты думаешь? – пытаюсь спрятать боль, которая выплывала на его лицо откуда-то изнутри, ответил вопросом на вопрос Дима.

Я не стал умничать и упрекать его в случившемся, напоминая о моём вчерашнем предлодении не ходить на дело.

– Думаю, всё плохо, – сказал я.

– Ещё хуже, – засмеялся своей шутке, морщась, гость.

– Не тяни, Дим, – почти приказал я ему.

– Андрей убит. Прямо на месте шлёпнули нашего музыканта. Так что не запишет он свой диск уже никогда.

– А Джон? – спросил я, догадываясь, что и Джон уже, видимо, никогда не поможет своей матери.

– Джон? – переспросил Дима, как будто обдумывая тщательно мой вопрос. – Джона я добил. – Он посмотрел мне в глаза. Просто так посмотрел, без пошлой трагедийности.

Я молчал, вопрос «зачем он это сделал» отпадал сам собой; просто так Нестеров не стал бы добивать друга, видимо тот был уже при смерти и мог рассказать всё или ментам, или тем серьёзным людям, у которых мы хотели отнять их миллион.

Он снова поморщился, на этот раз сильно, и я понял, в чём дело.

– Зацепило? – спросил я.

– Есть немного, – улыбнулся Дима, и теперь боль, уже не сдерживаемая им, исказила его улыбку. – Мне надо уходить. Вызывай ментов. Вот, – протянул он мне солидный по размеру мешочек, который меня ничуть не обрадовал. Я понял: никакого миллиона долларов, а вместо него... Я усмехнулся и, несколько помедлив, взял этот чёртов кисет. Какая лажа – это равносильно, что пятикласснику взять кейс с несколькими килограммами героина. И куда теперь с этим мешочком Санта-Клауса, с этим новогодним подарком в начале октября?

– Здесь бриллианты, – подтвердил мою невесёлую догадку друг. – Полагаю, на очень большую сумму. Видимо, как раз на миллион, или что-то около этого.

– Я не разбираюсь в этом, – ответил я, держа в руке богатство и, как ни странно, не имея к нему никакого интереса.

– Посмотри.

– Зачем?

– Мне некогда. Просто посмотри и всё, – настаивал он.

Я ослабил завязку мешочка и высыпал на ладонь несколько блестящих камешков. И куда их теперь? Простые камушки, а столько стоят. Фактически это те же деньги, если бы можно было ими оплачивать покупки. Правда, в продуктовом магазине неудобно – сдачи не наберёшь, а так... вполне хорошая валюта. Твёрдая в прямом и переносном смысле. Из них бы резаки добрые делать, а из-за них людей убивают.

– Посмотрел, – я сделал паузу. – Но почему бриллианты? При чём здесь бриллианты? Ты ведь говорил о деньгах.

– О деньгах, – с каким-то сожалением протянул Нестеров. – Видимо, этим долбаным чуркам не удалось договориться с их «хавалой» о залоге, – засмеялся он невесело, – поэтому, видно, напрямую брилики сюда и припёрли, чтобы за оружие рассчитаться, а скорее всего – эти камешки здесь уже и были, видно их вместо валюты решили использовать. Пусть полежат у тебя. Надеюсь, не откажешь? Спрячь получше. Возьми себе несколько камней, так сказать – плата за хранение, – по поводу платы он, конечно же, шутил, – остальное как-нибудь заберу. Здесь останется сверх моего долга и лечения Монастырёвской матери. Если не вернусь, сам распорядись, как сможешь.

– Дима...

– Помолчи. Всякое может быть. Мне две пули в бок зарядили. Придётся в больничку обратиться, чтобы выжить, а там... будущее предугадать сложно. Может ещё и в больничке грохнут.

Я напряжённо смотрел на него.

– Что бриллианты у тебя, они, естественно, не узнают, – он уже не пытался скрывать боль; лоб его покрылся испариной.

– Не сомневаюсь, – ответил я, действительно ничуть не сомневаясь в этом. Орденосец, прошедший погранслужбу и воевавший в горячих точках, побывавший в невероятно сложных переделках, стреляный и битый, он бы ни за что, ни при каких обстоятельствах не раскололся. Его уже один раз пытали какие-то ублюдки, потом из их задниц, у каждого по очереди, вытаскивали очень горячие паяльники. И где он их столько взял, этих паяльников?

– Ну... а если что... только про мать Джона не забудь. Помоги. Там уж сколько протянет старушка, но долг за Джона выполнить надо.

Я молчал. Конечно, помогу. Только куда с этими бриллиантами?

– Ладно, я пошёл, – Дима встал, осторожно откинул полу куртки; на боку его, сквозь рубашку, выступило обильное пятно крови.

– Пока, – улыбнулся он на прощание. – Юле ничего не говори.

– Пока, – закрыл я за ним дверь и стал набирать «02».

– Ушёл? – спросила Юля.

– Ушёл, – подтвердил я очевидное. – Юля, у нас машину угнали. Дима говорит, не увидел её у нас под окнами. Точно, – смотрю – нет. Я звоню в милицию.

– Нашего «Мустанга» угнали? – без удивления в голосе спросила Юля. – А на чём ты сегодня на почту ездил договор отправлять?

– Копию я отправил по интернету, а оригинал договора экспресс-почтой, за счёт получателя. Они сами так попросили. У меня его из дома и забрали пока ты по делам ездила.

– А-а, – протянула она. – Ты что, даже на улицу сегодня не выходил?

– Нет. Сейчас милиция приедет, вот заодно и прогуляюсь.

Машина оказалась на соседней улице, а мне пришлось полночи, словно это я был угонщиком, провести в отделение милиции. Но разве машина это главное? Сколько их распрекрасных есть на белом свете, а вот человек...

Со следаком в казённой «пятёре», пропахшей табачным дымом, мы ехали на место, где нашли мою тачку, когда на углу соседней улицы я увидел, как милицейский «УАЗик» освещает мигалкой, словно дискотечным фонарём, мёртвое чьё-то тело, лежащее на асфальте, и силуэты милиционеров вокруг. Мгновение – и всё залито синим светом, мгновение – и темнота; мгновение – жизнь, мгновение – смерть.

– Грохнули кого-то только что, – прокомментировал для следователя водитель. – Расстреляли прямо в упор. По полной программе разделали. Всего растребушили, все карманы наизнанку, морду не узнать. Документы вроде как при нём, но кто его знает... Генка сейчас рассказал.

- А, Иванов? – уточнил следователь.
- Да, он ведь в убойном сейчас работает.
- У меня заколотилось сердце. Это же...

Получается, выйдя от меня, Нестеров успел пройти лишь пару кварталов, когда его убили.

Ветер нёс осенние листья в запачканной оранжевым светом фонарей темноте, гнал их по тротуару, а он, упав навзничь, лежал холодный в холодной же осенней ночи, и не было больше в его теле жизни. «Мустанг» угнали, – промелькнула усмешка ума, а я почти всю ночь сидел в отделении милиции. Роман, английское издательство, бриллианты и смерть друзей... всё смешалось в голове. Нужно было успокоиться и прийти в себя. Что делать с этими камнями и как скоро выйдут на меня те серьёзные дяди, чьи сокровища лежали в моём письменном столе? А что выйдут – сомнений не было. Здесь уж не до «Мустангов», дёргать надо. И чем скорее, тем лучше. А куда дёргать?.. В какое-нибудь американское захолустье... в Твин-Пикс какой-нибудь, где фиг кого найдёшь. Хотя, в большом городе затеряться легче. Ладно, разберёмся. Сейчас Юле надо всё объяснить.

«Мустанг» я продал уже через пару дней, и часть денег от его продажи передал матери Джона. Хотя после смерти сына они вряд ли смогли уже поправить её здоровье. Скорее, на похороны пригодились бы. Море слёз и живой труп, которому можно было смело готовить могилу. Другую часть денег я оставил себе, лишь немного передав на похороны Нестерова и Андрея. Всех их похоронили на разных кладбищах; я не пошёл прощаться ни с кем из них. Так бы поступил и Нестеров: безопасность превыше пускания розовых слюней. Что там смотреть? Как безжизненные, прострелянные тела в ямах зарывают? А у Нестерова, сказали, вообще ваза для тюльпанов вместо головы. Закрытый гроб и дядины скупые слёзы. Родных-то никого у него не осталось, кроме дяди-прокурора.

Нечего рисоваться скорбью – похоронили и похоронили.

Через несколько дней объявился Серж Каланча.

- Привет, – услышал я его голос в трубке телефона.
- Привет, – ответил я.
- Слышал про пацанов наших? – спросил он.
- Слышал. А ты где был?
- Да так же, как и ты, решил не вмешиваться в ход событий.

Голос его был мне неприятен, как и он сам.

- Хватит базарить. Если что-то хотел, говори по делу, – оборвал я его.
- Да встретиться надо.
- Зачем?
- Есть разговор.
- Хорошо. Давай в кафе, за оперным.
- Давай. Через час сможешь подъехать?
- Да, смогу.

Через час мы пили дорогие виски, Каланча угощал.

– Мне Нестеров позвонил... видимо, перед самой смертью... – играя в страдальца, начал он. Пауза.

- И что? – с неким пренебрежением спросил я его.
- Камни у тебя, сказал...

Какой бред несёт этот урод. Какие камни?! Димка, который никогда не доверял этому обломку телеграфного столба, этому сурику гребаному, рассказал бы, что отдал мне брил-

лианты? Видно, точняк, надо собирать Юлю, детей и быстро, быстро сваливать. Похоже, это он и сдал, каланча поганая. Но не выбрасывать же теперь эти камни... и с ними – засада.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.